Белорусские народные сказки

Отцов дар

Жил себе на свете хороший человек. Было у него три сына — двое умных, а третий — Иван-простофиля. Умные поженились, семьями обзавелись, а Иван всё на печи лежит да на жалейке играет.

Пришла пора отцу помирать. Собрал он сыновей и говорит им:

— Сыны мои родные, сыны мои милые! Богатства большого я вам не оставляю, но уважьте одну мою просьбу: когда я помру, приходите ко мне на могилу ночевать три ночи подряд. Первую ночь — старший, вторую — средний, а третью — младший. А когда придёте, то скажите: “Жёлтый песок, рассыпайся, сосновый гроб, открывайся, отец, из могилы подымайся!” Вот и всё.

Сказал сыновьям это, сложил руки и умер.

Схоронили сыновья отца. Ну, надо идти старшему ночевать на могилу. А ему боязно, да и жена не пускает: “Куда ты пойдёшь, ещё пропадёшь там! Что я одна тогда делать буду?”

А нехорошо не выполнить отцову просьбу.

— Пошли вместо себя Ивана,— советует жена.— Коли с ним что и случится, то никто и жалеть не станет.

Просит старший Ивана:

— Сходи, братец, за меня на отцову могилу. А Иван, лёжа на печи, отвечает:

— Что я дурак, ходить за других? Придёт мой черёд, тогда и пойду. Брат чуть не плачет:

— Сходи уж, Иванка! Видишь, жена меня не пускает.

— Ну ладно,— согласился Иван,— ты только скажи жене, чтобы она сшила торбу побольше да положила в неё два каравая хлеба. Там я хоть вволю наемся, а то дома ваши жены мне и поесть как следует не дают.

Сшила жена старшего брата большую торбу и положила туда два каравая хлеба. Взял Иван торбу и пошёл к отцу на могилу.

Пришёл и сказал, как отец учил:

— Жёлтый песок, рассыпайся, сосновый гроб, открывайся, отец, из могилы подымайся!

Всё так и вышло. Поднялся отец, поглядел на Ивана и говорит:

— А где ж мой старший сын?

— Он, видишь, боится тебя, вот меня и послал,— отвечает Иванка, уплетая краюху хлеба.

— Ну что ж,— вздохнул отец,— тогда его доля будет тебе. Слушай меня, сынок: на зелёных лугах, на шелковых травах-муравах сивый конь пасётся, с золотою гривой. Днём он пасётся, а ночью гуляет, а как крикнет добрый молодец — вмиг к нему подбегает. Коли нужен он будет тебе — ты крикни-свистни громким голосом, и конь станет перед тобой, как лист перед травой. А как натешишься им, пусти его опять на зелёные луга, на шелковые муравы.

Сказал так отец, лёг опять в гроб — могила вслед и закрылась.

Отошёл Иван от могилы, крикнул-свистнул громким голосом — прибегает к нему конь сивой масти с золотою гривой.

Стукнул конь копытами:

— Чего звал, Иван Иванович?

— Хочу на тебе прокатиться.

— Это можно.

Вскочил Иван на коня и полетел. Весь свет три раза облетел, земли не касаясь. Примчался назад.

— Хватит,— говорит он коню,— натешился я! А теперь беги на зелёные луга, на шелковые муравы. Днём пасись, ночью гуляй, а как крикну — ко мне прибегай!

Пустил он коня, а сам домой воротился. Забрался на печь, ноги на перекладину поставил и играет себе на жалейке. Умные братья дивуются: “Ишь ты, ничего с ним не сталось!”

Пришла вторая ночь — надо среднему сыну к отцу на могилу собираться. Начал он Ивана упрашивать:
— Сходи-ка ты, братец, за меня...
— Да что я — нанятой вам! — злится Иван.— Тебе надо — ты и ступай!
А тут невестка с плачем пристала к нему:
— Сделай, Иванка, милость: сходи за брата на отцову могилу!
— Ну ладно,— согласился Иван.— Давайте два каравая хлеба!
Приготовили ему торбу, он и пошёл. Пришёл на могилу, сказал, что следует. Отец поднялся и опять удивляется:
— Почему ж это средний сын не пришёл меня навестить?
— Он боится тебя,— говорит Иван,— вот и не пришёл.
— Ну что ж,— вздохнул отец,— тогда и его доля будет тебе. Слушай меня, сынок: есть на тех же зелёных лугах, на шелковых муравах ещё один конь — гнедой масти. Он тоже будет тебе служить.
Облетел Иван дважды свет на коне гнедой масти и домой воротился.
На третью ночь настал его черёд. Пошёл он к отцу на могилу. Поднялся отец и говорит:
— Жалко мне тебя, сынок: ты всё один ко мне ходишь... Ну, так пускай же и третий конь служит тебе. А пасётся он на тех же зелёных лугах, на шелковых муравах, и масти он буланой. А теперь больше ко мне не ходи.
Сказал это отец, лёг в гроб, а могила за ним и закрылась.
Облетел Иван один раз свет на коне буланой масти. Потом домой воротился, лёг на печь и играет себе на жалейке.
— Ну и ну,— удивляются умные братья,— наш дурень-то нигде не пропадёт! Уж теперь мы ему хлеба по два каравая давать не будем — хватит с него и затирки!
Тем временем зачудила в том царстве от нечего делать царская дочь: забралась на третий ярус в тереме, села у окошка и объявила, что кто, дескать, к ней на коне доскачет, за того она и замуж выйдет. Вот все, кому хотелось взять себе в жёны царскую дочь, и кинулись в столицу. А другие пошли да поехали на то диво глядеть. Умные братья говорят:
— Давай-ка и мы поедем поглядим. Стали они собираться. А Иван просит братьев:
— Возьмите и меня с собой. Мне тоже охота на диво поглядеть.
— Да куда уж тебе ехать? — смеются братья.— Там и без таких дураков, как ты, обойдётся. А коли надоело лежать на печи, то дадим мы тебе работу.
Взяли они две мерки мака да две мерки песка, смешали в одну кучу и говорят:
— Пока мы вернёмся, чтобы ты всё это перебрал: мак отдельно, а песок отдельно.
Пригорюнился Иван, да что поделаешь. Высыпал мак вместе с песком в торбу, лёг на печи и лежит. А торбу на припечек положил, пускай, мол, сохнет.
Прошёл день, прошёл другой, слез Иван с печки, пересыпал мак с песком в лубяное лукошко, торбой прикрыл да и пошёл со своим добром за дремучий лес, в чистое поле. Свистнул-крикнул громким голосом — прибегают к нему все три коня: сивой масти, гнедой масти, буланой масти.
— Что нам скажешь, хозяин?
— Кони мои добрые, кони мои милые: прошёл слух, будто в царской столице дива дивные творятся. Зачудила младшая царская дочка, взобралась на третий ярус в тереме, села у окошка и объявила, что кто на коне к ней доскачет, за того, мол, и замуж она пойдёт. А не могли бы вы меня туда домчать, чтобы мне поглядеть на то диво?
— Можно,— отвечает конь сивой масти.— Но поедешь ты нынче на самом молодом из нас, на буланом.
Вышел буланый конь наперёд, махнул гривой и говорит:

— Влезай, Иван, мне в правое ухо, а в левое вылезай.
Влез Иван буланому коню в правое ухо, в левое вылез и стал таким молодцем, что ни царевичу, ни королевичу не сравняться.
Сел он на коня. Стукнул конь копытами и полетел.
Долго летел он или коротко, глядь — а вот и столица. И все там уже собрались на диво поглядеть. И братья Ивановы сбоку стоят, рты по-раскрывали.
Тут буланый конь как скакнул с разгона, так, может, всего на локоть и не допрыгнул до царевны. Опустился он на землю за теремом и вихрем помчался дальше. Был и нету! Все так и ахнули, а царевна: “Ловите его, ловите!” Да где там!..
Примчался конь на старое место. Иван влез ему в левое ухо, а в правое вылез, стал таким, как прежде, и говорит:
— Спасибо тебе, конь мой добрый! Посмотрел и я на царевну. А теперь помоги мне сделать ещё одну работу: перебрать две мерки мака да две мерки песка...
Конь говорит:
— Разорви торбу на две подстилки да высыпь из лукошка свой мак.
Иван так и сделал. Как дунул конь ноздрями, мак и оказался на одной подстилке, а песок на другой.
Свернул Иван подстилки, поблагодарил коня и пошёл домой. А в лукошко набрал по дороге грибов.
Дома невестки напустились на него:
— Где ты, дурень, ходишь? А ты мак перебрал? Достанется тебе от братьев, как вернутся!
— Да ну вас! — говорит Иван.— И мак перебрал да ещё и грибов принёс. А вы всё говорите, что я ничего, мол, не делаю.
Приезжают из столицы и умные братья.
— Что там было, что там творилось! — рассказывают они жёнам.— А никто и до второго яруса не мог подняться. Только один какой-то царевич на коне буланой масти чуть было до царевны не доскочил. Ему бы ещё с локоть выше... Эх, жаль! А такой был красивый царевич, что даже сама царевна ахнула и закричала: “Ловите; его, ловите!” Да где там!
Лежит Иван на печи, усмехается:
— А не я ли то был? Братья зашикали на него:
— Молчал бы ты лучше, дурень! А вскоре царевна опять объявляет, чтоб все съезжались в столицу. А сама села уже у окошка четвёртого яруса.
Собрались ехать и умные братья.
— Возьмите и меня с собой,— просит Иван.
— Ах ты, такой-сякой дурень! Да разве дома работы нету? Вот зададим мы тебе работу.
Взяли братья три мерки песка да три мерки мака, смешали всё вместе и велели Ивану перебрать, пока они вернутся.
Подождал Иван день-другой, высыпал мак с песком в лукошко, взял две подстилки и пошёл за дремучие леса, на зелёные луга. Свистнул-крикнул громким голосом — прибегают добрые кони.
— Ты чего, хозяин, нас звал?
— Да так, мол, и так,— говорит Иван,— опять объявила царевна, чтоб все съезжались в столицу. Нельзя ли и мне поехать на то диво поглядеть?
Сивый конь отвечает:
— Ладно. Но теперь ты поедешь на гнедом. Ну, сделал Иван всё, что надо, сел молодец-молодцем на гнедого коня и полетел в столицу. Все ехали туда по месяцу, по два, а он за какой-нибудь час домчался. И поспел вовремя. Гнедой конь как скакнул, только на пол-локтя до царевны не

допрыгнул.
Одолело царевну любопытство: кто ж это такой храбрый царевич, что и во второй раз чуть было не допрыгнул до неё? Вот спустя некоторое время объявляет она в третий раз, а сама взобралась на пятый ярус. И теперь съехались туда снова все цари и царевичи, короли да королевичи, все паны и дворяне. Поехали и умные братья, задав Ивану работу: четыре мерки мака с песком перебрать.
Вылежался Иван на печи, взял мак с песком и пошёл к своим коням.
— А нельзя ли мне будет ещё разок съездить в столицу? — говорит он коням.
— Можно-то можно, — отвечает сивый конь.— Да теперь ты поедешь на мне на самом. Ежели я не допрыгну до царевны, то больше и говорить об этом не будем.
Сделал Иван всё, что надо, сел на коня, свистнул и полетел в столицу. И часу не прошло, а он уж там очутился.
— Ну, держись! — крикнул сивый конь.
Заржал сивый конь на всю столицу, взвился ввысь и доскочил до самой царевны. А царевна — стук-стук! — и поставила Ивану две свои печатки: одну на лбу, другую — на затылке. Опустился конь на землю и умчался прочь. Все кричат: “Лови, лови!” А ловить-то и некого; только был, а уж и след простыл...
Примчался Иван назад, попросил коня, чтобы мак перебрал, и пустил его на зелёные луга, на шелковые травы-муравы. А сам надвинул шапку на самые уши, чтоб печаток не было видно, да и пошёл домой. По дороге опять набрал лукошко грибов.
Приехали братья, стали жёнам про диво рассказывать.
— Что там было, что там творилось! Все скакали, но и до второго яруса не доскакали, а один царевич — такой красивый, весь в золоте, как скакнул, так до самой царевны доскочил, а она ему печатки свои на лоб и на затылок поставила.
Иван слушает это на печи да смеётся:
— А не я ль это был?
— Молчи, дурень! — зашикали на него братья.— Не с твоим умом и ловкостью сделать такое! Перебрал хоть мак?
— Перебрал,— отвечает Иван,— ну вас с вашим маком! Одна возня с ним да и только.
Посмотрели братья, удивляются:
— Видно, пришлось тебе поработать! — говорят.
А тем временем царевна объявила, чтоб явился к ней жених. Сперва позвала к себе всех царевичей да королевичей. Посмотрела — нет жениха! Тогда позвала она панов и купцов. То же самое — нету! Подошёл черёд и остальным — мужикам и батракам. Всех велела собрать.
— Ну,— говорит Иван,— прежде я просил, чтоб вы меня взяли, а теперь пойду и без вас!
Взял он свою жалейку, торбу за плечи закинул и пошёл за дремучие леса, в чистое поле. Крикнул-свистнул там громким голосом — прибегают к нему все три коня.
— Кони мои дорогие,— говорит Иван,— велела царевна явиться к ней всем мужикам и батракам. А нельзя ли и мне к ней поехать?
Сивый конь отвечает:
— Теперь ты снова поедешь на самом молодом из нас. И поезжай таким, как ты есть... А буланому коню даёт наказ:
— Отвези его, братец, в баню, что стоит возле царского дворца, и оставь его там. А ты,— говорит Ивану,— заберись в баню на полок и играй на жалейке. Тебя найдут, когда надо будет.
Мигом домчал его конь буланый до столицы. Вошёл Иван в баню, взобрался на полок и играет себе на жалейке.
А тем временем царевна со служанкою всех мужиков да батраков оглядела — нет жениха! Вдруг

слышит: в бане кто-то играет, да так хорошо, что слушать любо.
Пошли туда, открыли, видят — лежит на полке парень, ободранный, весь в лохмотьях, шапка на лоб надвинута... И на жалейке играет, да так, что ноги сами в пляс идут. Подошла к нему царевна, сняла подраную шапку — а на лбу её печатка!
Посмотрела на затылок — и там её печатка!
— Ну,— говорит она Ивану,— так это ты мой жених! Пойдём к отцу.
Взяла она его за руку и ведёт, а Иван упирается:
— Куда я пойду? Чтобы там надо мной посмеялись?
Царевна привела его кое-как в хоромы. А отец как увидел, начал её укорять:
— И кого же ты в мужья себе выбрала?! Дочка говорит:
— Да на нём ведь мои печатки, значит, он мой суженый. Такова моя доля. Ничего не поделаешь...
Хочешь не хочешь — пришлось свадьбу справлять. И сделался Иван царским зятем.
И было у того царя ещё два зятя, что были женаты на старших дочках. Ну, те, понятно, из князей да королей были. Вот собрал однажды царь своих богатых зятьёв и говорит:
— Я уже стар, и смерть моя не за горами. Кому же из вас царство передать?
— Мне! — говорит один зять.
— Нет, мне! — говорит другой. И так заспорили они, что дело чуть до драки не дошло. Царь и говорит:
— Вот что, зятья мои любезные: есть в некотором царстве, в некотором государстве свинка — золотая щетинка, рылом пашет, ногами боронует, а вслед за ней пироги растут, да такие, что и самому царю есть впору. Кто из вас добудет ту свинку и приведёт ко мне во дворец, тому всё царство отпишу!
Тут зятья не долго думая взяли по полку солдат и двинулись с музыкой искать свинку — золотую щетинку.
Говорит младшая царская дочь своему мужу Ивану:
— Твои свояки вон куда поехали — искать свинку—золотую щетинку, а ты что себе думаешь? Им отец всё царство отпишет, а мы как жить будем?
— Никуда я не пойду! — отвечает Иван.— Выдумали какую-то свинку! Где её найдёшь?
Заплакала жена, а Иван взял свою жалейку и заиграл.
Прошло так с месяц или больше, Иван и говорит жене:
— Сходи-ка ты к отцу, выпроси у него какую-нибудь завалящую лошадёнку: поеду и я свинку искать.
— Дурень ты,— говорит жена,— свояки уже, пожалуй, её нашли и домой ведут, а ты только теперь надумал ехать!
— Ну и пусть! Сходи к отцу. А коли не даст, то я и пешком пойду. Пошла жена к отцу.
— Батюшка,— говорит,— просит мой Иван хоть какую-нибудь завалящую лошадёнку — задумал и он за, свинкой ехать.
Царь посмеялся, а лошадёнку дал. Собрался Иван, сел на клячу задом наперёд и погоняет.
— Смотрите,— удивляются царские слуги,— дурак-то наш по-дурацки и едет!
Выехал он за город и бросил свою клячу волкам на поживу.
А сам как крикнет, как свистнет — прибегают к нему все три коня: сивый, гнедой, буланый.
— Что скажешь нам, хозяин?
— Ах, кони мои добрые! — говорит Иван.— Есть в некотором царстве, в некотором государстве свинка — золотая щетинка, рылом пашет, ногами боронует, а вслед за ней пироги растут, да такие, что и самому царю есть впору! Не сможем ли мы достать её?
— Сможем! -— отвечает сивый конь.— Ты поедешь за свинкой на самом молодом из нас. Но надо

вам захватить с собой шёлковый шнурок да кожаную плётку.
— А где мне их взять?—спрашивает Иван.
— Погоди маленько.
Взвился сивый конь и полетел на зелёные луга. Через минуту прилетает с кожаною плёткой и шёлковым шнурком.
— Вот тебе всё, что надо. Только смотри — бей свинку этою плёткой покрепче, пока она не сдастся, а ты, буланый, топчи её копытами.
Влез Иван буланому коню в правое ухо, в левое вылез и стал добрым молодцем, сел — только его и видели.
Долго ли, коротко ли они летели, прилетели в то царство, где жила свинка — золотая щетинка. Смотрит Иван, а та и вправду рылом пашет, ногами боронует... Подкрался он к свинке и давай её плёткой хлестать. Конь копытами бьёт, а он плёткою лупит. Свинка терпела-терпела, да и силы не стало.
— Ах, заморский царевич Иван Иванович, за что ты меня убиваешь?
— Сдавайся,— кричит Иван,— не то не выпущу тебя живой!
И бил её до тех пор, пока свинка не сдалась. Накинул тогда Иван ей на шею шёлковый шнурок, сел на буланого коня и поехал, а свинка сзади бежит.
Едет он так, едет, глядь — идут навстречу два полка солдат, музыка играет. “Ну,— думает Иван,— это, пожалуй, мои свояки ещё за свинкою едут”. Влез он буланому коню в левое ухо, а в правое вылез и стал таким, как прежде. Коня отпустил, а свинку привязал шнурком к дубу. Ну, свинка та и давай своей работой заниматься: рылом пашет, ногами боронует...
Разложил Иван в дубняке костёр, греется и на жалейке играет.
Подъезжают свояки ближе, смотрят — из дубняка вьётся дымок.
Говорят они своим слугам:
— Ступайте поглядите, кто это там дымит. Слуги пошли, обо всём разведали. Прикурили от огонька и назад воротились.
— Ну, что там? — спрашивают свояки.
— Да это наш дурачок дымит там. Он уже и свинку ведёт.
— Не может этого быть! — удивляются свояки.— Мы сами пойдём посмотрим. А ежели что, то выпросим у него свинку, а то и отберём.
Приходят они в дубняк, видят — и правда: сидит Иван у костра, на жалейке играет, а свинка у дуба своей работой занимается.
— Здравствуй, свояк!
— Здравствуйте!
— Так это ты прежде нас свинку добыл?
— Я одну только добыл,— отвечает Иван,— а там их целое стадо: хватит и вам.
— Что ты врёшь, свояк! Такая только одна и есть на свете. Отдай ты нам эту свинку. А Иван на своём:
— Моя свинка,— говорит,— я сам и отведу её тестю.
А свояки как пристали к нему — никак не отвяжутся. “Мы тебе,— говорят,— дадим и то и сё...” Надоело Ивану их слушать.
— Да ну вас,— говорит,— если отрежете по пальцу-мизинцу с правой ноги, то забирайте её себе.
Подумали свояки и согласились; что ж, мизинец стоит полцарства! Отрезали они пальцы, забрали свинку — золотую щетинку и весёлые повели её в столицу.
А Иван спрятал пальцы в свою торбу, погрелся ещё немного у огонька, потом кликнул буланого коня, сел на него и помчался.

Свояки ехали, видимо, с месяц, а Иван за день управился.
Подъехал он к городу, пустил буланого на зелёные поля, а сам пошёл к жене.
Увидела его жена без ничего, всплеснула руками:
— Куда же ты девал отцову лошадёнку?
— Да знаешь,— говорит Иван,— плохонькая попалась кобылка, притомилась в дороге... Ну, я и бросил её, а сам пеший вернулся.
Жена в плач:
— Ой, горюшко мне с тобой — выпросила я у батюшки кобылку, а ты загубил её да и свинки не привёл...
Вот спустя некоторое время вернулись и свояки со свинкою. Привязали её на дворе возле царских хором. И начала свинка чудеса вытворять: рылом пашет, ногами боронует, а за ней готовые пироги растут...
Сколько тут радости было и своякам и царю! Созвал царь гостей — панов и князей — на диво то поглядеть. Ведь ни у одного из царей не бывало ещё такой свинки!
Разъехались гости, а свояки пошли просить тестя, чтобы царство им отписал.
Царь подумал и говорит:
— Нет, за одну только свинку я царство не отпишу. Есть в некотором царстве, в ином государстве чудо-кобылица — из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. Пасётся она на зелёных лугах, на шелковых муравах. И стерегут её двенадцать коней с золотыми гривами. Если вы ту кобылицу заодно с конями поймаете да ко мне приведёте, то отпишу вам царство тогда.
Просчитались свояки — ничего не поделаешь: надо ехать искать кобылицу.
Набрали они войска ещё больше и поехали.
Опять пристаёт жена к Ивану:
— Вон свояки твои за кобылицею поехали, а ты дома сидишь! Отец им всё царство отпишет, а мы как жить будем?
— Э-э,— говорит Иван,— и куда мне ехать? Что у меня, войско своё или что? Как-нибудь проживём и без царства!
Прошло некоторое время, опять просит Иван жену:
— Сходи-ка ты к отцу: а не даст ли он мне ещё одну лошадёнку? Поеду и я за свояками.
— И что ты, дурень, мелешь? Свояки-то, пожалуй, назад уже возвращаются с кобылицей, а ты ещё только собираешься.
— А коли возвращаются, то и я с ними вернусь. Невелика беда!
— Мне совестно перед отцом,— говорит жена.— Опять задаром лошадёнку загубишь. Что я тогда скажу ему?
— Загублю так загублю. Твой отец от того не обеднеет.
Пошла она к отцу и выпросила у него ещё лошадёнку. Сел Иван на клячу, отъехал немного от города и бросил её волкам на поживу. А сам крикнул-свистнул, и стали перед ним его добрые кони.
Рассказал Иван коням про чудесную кобылицу.
— Так это же наша мать! — говорит сивый конь.— Но там теперь не двенадцать караульщиков возле неё, а девять, ведь мы тебе служим. Трудную задачу ты задал нам, хозяин. Но попробуем тебе помочь. Ступай к своему тестю да выпроси у него дедов безмен.
Вернулся Иван в хоромы, выпросил у царя дедов безмен на двенадцать пудов. Взял его в руки и размахивает им, как тростинкой. Удивляется царь:
— Дурень, а силён! Ишь ты! Пришёл Иван к своим коням.
— Теперь,— говорит сивый конь,— я сам поеду с тобой. А ты смотри, как сядешь на кобылицу, то бей, её безменом промеж ушей, и бей до тех пор, пока она не остановится. А я тем временем буду

возле неё летать и просить: “Матушка, лучше сдавайся, а то мой хозяин больно злой: забьёт тебя безменом...”
Ну, так всё и случилось, как сказал сивый конь.
Изловчился Иван, сел на кобылицу, и та понесла его под самые небеса... Носила, носила — не падает Иван: сидит на спине, будто врос, да двенадцатипудовым безменом бьёт её промеж ушей.
Заморилась кобылица и говорит:
— Тридцать три года живу я на свете, а ещё никто на мне не езживал! Кто ты таков?
— Это, матушка, наш хозяин,— говорит за Ивана сивый конь.— Сдавайся, а то он больно сердитый: забьёт тебя.
— Ну что ж,— вздохнула кобылица,— ходила я на воле, а теперь придётся ходить подневольною. Погоди, Иван Иванович, перестань меня бить.
— Вот так бы давно и сказала, а то у меня рука уже заболела тебя дубасить,— говорит Иван.
Едет Иван на кобылице назад в своё царство, а за нею девять коней да десятый сивый конь Ивана.
Едет он, видит — навстречу войско валит, музыка играет. “Это, наверно, мои свояки”,—думает Иван.
Отпустил он своего сивого коня на зелёные луга, развёл костёр, греется себе и на жалейке играет.
Заметили свояки дымок. Посылают слуг узнать, кто там дымит. Пошли слуги, всё разглядели, прикурили от огонька и назад воротились.
— Ну, кто там? — спрашивают свояки.
— Да это наш дурень ведёт кобылицу, и рядом с ней девять коней с золотыми гривами.
— Как девять? А тесть ведь сказал двенадцать!
— Нет, только девять.
— Тогда мы сами пойдём посмотрим. Приходят:
— Здорово, свояк!
— Здравствуйте!
— Что, кобылицу ведёшь?
— Ага, там их много пасётся. Я взял себе только одну и девять коней впридачу.
Свояки переглянулись, покачали головами:
— Будет тебе, своячок, над нами смеяться! Ведь это кобылица, про которую отец говорил.
— Да нет, это не та,— не соглашается Иван.— Ваша вам осталась. Я чужих не беру.
— Хоть бы и так,— говорят свояки,— да ты нам эту вот уступи. Мы тебе что хочешь дадим.
И начали они просить. Что делать? Согласился Иван и говорит:
— Ладно, берите, да только отрежьте мне за неё у себя по пальцу-мизинцу с правой руки.
Жаль было своякам пальцев, но Иван твердо стоит на своём. Посоветовались меж собой свояки.
— Что ж,— говорят,— доктора у нас свои, лекарства свои — враз всё заживёт: отрежем по пальцу.
Вернулся Иван домой, как и в первый раз, ни с чем.
— Скажи хоть, куда ты отцову лошадёнку девал? — спрашивает жена.
— Как куда? Околела! Что ж ты думаешь: сам ехал да ещё какой безменище вёз...
Спустя некоторое время приводят свояки ту кобылицу. Так рады, что и не рассказать: понятно, царство теперь-то им достанется!
Уж тут приходится царю бумагу писать — царство зятьям передавать.
— Нет,— говорит царь,— я передумал. Вы не всё ещё сделали. Есть в некотором царстве, в ином государстве, за синими морями, за высокими горами лев. Сидит он у колодца, двенадцатью цепями прикованный. И носят ему день и ночь двенадцать человек воду из колодца: лев всю её выпивает и все болезни у людей и у скота в себя забирает. Ежели вы этого льва мне добудете и приведёте в наше царство — тогда всё ваше будет!

Подумали свояки: “Может, дурень и льва добудет, а мы уж как-нибудь у него выманим”.
— Хорошо,— говорят,— приведём льва! Собрались и поехали.
А жена напустилась на Ивана:
— И что ты, дурень, себе думаешь? Только лежишь да на жалейке играешь. Видишь, свояки вон за львом уже поехали. Отец им всё царство отпишет, а мы с тобой милостыню просить пойдём.
— Ах, милая жёнушка,— говорит Иван,— а люди разве не живут подаянием? И мы как-нибудь проживём.
Жена на том и успокоилась.
Вот прожили они с месяц или два, и просит Иван жену опять сходить к отцу за лошадёнкой.
— Нет,— говорит жена,— уж теперь не пойду. Коли хочешь — ступай пешком: всё равно с тебя никакого толку!
Иван спорить не стал, простился с женой и тронулся в путь-дорогу. Вышел в чистое поле, кликнул своих коней. Сивый конь и говорит ему:
— Теперь ты поедешь на гнедом. Как доскачешь до того царства, подъедешь к столице, то коня отпусти, а сам ступай к колодцу и скажи, что ты сам, мол, берёшься поить льва. А если царь наймёт тебя, не зевай. Вот тебе молоток — он любую цепь разобьёт...
Долго ли Ивану — часа за три очутился он у колодца.
— Добрый день, молодцы! — поздоровался Иван с работниками, что черпали воду.
— Добрый день!
— Трудно вам тут работать?
— Ой, трудно!
— Так давайте я буду за вас поить льва.
— Что ты! — говорят работники.— Нас двенадцать, да и то мы не справляемся.
— Ничего, я справлюсь. Доложите вашему царю.
Пошёл старший работник, доложил царю. Царь обрадовался: одному-то ведь меньше платить надо.
— Наймите его на три дня,— говорит царь.— Ежели справится, тогда и договариваться будем.
Работники отошли от колодца, а Иван принялся скорей за работу. И так у него гладко пошло, что лучше и не надо.
Старший работник побежал к царю.
— Диво! — говорит.— Лев не успевает всей воды выпить, что он один подаёт.
— Ну что ж,— говорит царь,—посмотрим, что завтра получится.
Ночью Иван говорит льву:
— Знаешь что: давай убежим отсюда. В моём царстве тебе вольготней будет.
И так это расхвалил своё царство, что лев вскоре согласился бежать с ним.
— Только не разорвать тебе цепей, какими я к колодцу прикован.
— Ничего, разорву.
Взял Иван молоток да как стукнул, так одна цепь и разлетелась. Двенадцать раз стукнул — двенадцать цепей разлетелось.
Сел тогда Иван на льва и помчался в своё царство. Встречает по пути свояков. Увидели те, что Иван едет на льве, и стали его просить-умолять :
— Отдай нам этого льва.
— Ого,— не соглашается Иван,— всё вам да вам! Дайте и мне привести хоть кого-нибудь тестю. А то вот жена всё ругает меня: вы, говорит, будете царством владеть, а нам нищенствовать придётся.
— Мы тебе, Иван, что хочешь дадим, только отдай нам льва.
И так стали его уговаривать, что Иван согласился.
— Ладно,— говорит,— но только теперь я возьму с вас подороже: вырежьте у себя со спины по

куску кожи...
Свояки не стали перечить.
“Доктора свои, лекарства свои — залечим,— думают.— Зато уж теперь наверняка царством будем владеть. А тогда старого царя и этого дурня выгоним прочь!”
Взял Иван два куска кожи, скрутил их в трубочки и спрятал в свою торбу. Потом, когда свояки отъехали со львом версты две, кликнул он гнедого коня, сел и — айда домой!
Вернулся Иван к жене. Слуги царские над ним смеются:
— Ишь,— говорят, — за три дня за львом пешком сходил. И куда уж там дурню с умными тягаться!
А жена плачет:
— Что ты себе думаешь? Над тобой люди смеются.
— И пусть смеются: не всем же плакать!
— Небось, поплачешь, коль отец своякам царство отпишет, а нам ничего не будет.
— Э, да к чему нам царство это! Даст клочок земли и хватит с нас.
Жена и успокоилась: не будешь же всё время плакать! И слез ведь не хватит.
Приводят свояки того заморского льва, с музыкой, с песнями. Собрались со всего царства князья да паны на диво поглядеть. А царь на радостях задал такой пир, что никто такого и не видывал. Три дня и три ночи пировали. А когда окончился пир, созвал царь зятьёв. Явились к нему зятья с жёнами и младшая царская дочь. Только Иван не пришёл.
— А где же твой дурень? — спрашивает царь младшую дочку.— Почему он не идёт? Хоть бы послушал, как я царство делить буду.
Пошла она к мужу:
— Иди к отцу, послушай, как там и что.
— А зачем мне ходить-то?
— Пойди попроси у него хоть клочок земли. Пошёл Иван в царские покои и стал у порога. Царь говорит старшим зятьям:
— Вот, зятья мои милые, отдаю я вам всё своё царство, а сам остаюсь на ваших хлебах да милости.
— Спасибо, батюшка,— поклонились зятья.
— А мне, отец, что даёшь? — спрашивает Иван с порога.
— Ничего тебе не даю! На печи царство не зарабатывают.
Посмотрел Иван на свояков и говорит:
— А они что сделали, что ты отдаёшь им царство?
— Как что? — удивился царь.— Они мне добыли дива заморские.
— Где добыли? У меня выклянчили! Погляди-ка, отец, есть ли у них на правых ногах пальцы-мизинцы.
— А ну, снимайте сапоги! — велит царь зятьям.
Зятья сняли — и правда: нету у них на правых ногах пальцев-мизинцев!
Открыл Иван свою торбу и достал оттуда пальцы.
— Вот они! — говорит.— Это за свинку я у них взял. А теперь посмотри, отец, есть ли у них на правых руках пальцы-мизинцы.
Посмотрел царь — нету! А Иван достаёт их из той же торбы.
— Это я за кобылицу у них взял. Ведь они тебя обманули: привели только девять коней. А где ж ещё три?
— Да,— почесал царь затылок,— обманули: трёх коней не хватает...
Тут вышел Иван из дворца, крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом — и явились перед ним три золотогривых коня.

Царь глаза вытаращил, а зятья как полотно побледнели.
— Теперь,— говорит Иван,— погляди, отец, на спины своих зятьёв: целы ли они?
Посмотрел царь — не хватает по куску кожи...
Вынул Иван из торбы два куска, приложил к спинам — их кожа!
- Это, отец, я им за льва памятку сделал.
Видит царь — всё правда! Прогнал он тогда своих зятьёв-обманщиков, а Ивану всё царство отдал.